Не грозный и мудрый Лев

Сегодня – Международный день театра

СИЛА отдельной личности. Какова ее роль и значимость? Без сомнения, если эта личность обладает творческой или духовной энергией, она в состоянии достичь большего, нежели сотни рядовых обывателей. Думаю об этом всякий раз, встречаясь с Львом Эренбургом в Магнитогорском драматическом театре.

Его искренне любят в Магнитке. Да, отдают должное его профессионализму, мастерству, умению находить общий язык и точки соприкосновения с актерами, уважают. Но прежде всего любят. Между тем, столичная пресса давно окрестила Льва Борисовича «патологоанатомом петербургской сцены», ни одна рецензия не обходится без обязательного упоминания о «натурализме его спектаклей».

Ничего не могу сказать про наличие «низких истин» и отсутствия «возвышающего обмана», потому что ощущаю во всех работах бесконечно мудрого и очень талантливого Эренбурга – спектакли его Санкт-Петербургского Небольшого драматического театра мы, благодаря фестивалю «Театр без границ», видели все – и его отчаянную любовь ко всем нам. Таким разным, но одинаково нуждающимся в этом чувстве, даже если порой страшимся в этом признаться. Лев Борисович сказал на днях в одном интервью по случаю своей премьеры в МХТ: «В пьесах Горького мало говорится о любви, но зато там открываются такие бездны души!». Открывать эти самые «бездны души» Эренбург умеет лучше других.

«Неправдашний» театр терпеть не могу!»

– Лев Борисович, когда началось ваше знакомство с нашим драматическим театром? И как вы вообще определяете отношения с ним – дружба, взаимовыгодное сотрудничество, любовь?

– Взаимоотношения начались очень давно, и я действительно определяю их как любовные. Мне кажется, что коллектив вашего театра «от мала до велика» – уникальный, в том смысле, что чисто у вас в воздухе, грязи не ощущается. Ну нет здесь грязцы, характерной для очень многих театров. Может, просто ко мне такое хорошее отношение? Конечно, Магнитогорская драма дала мне очень многое. Например, понимание того, что, оказывается, можно работать студийным методом и в репертуарном театре. А это очень важно для меня. Театру я обязан и неким имиджем, потому что, как ни крути, в нашем деле очень многое решает успех. А поскольку спектакль «Гроза» был успешным, то на нем взлетели и артисты, и мой имидж. Это не самое главное, конечно, но тоже немаловажно в профессии, потому что открывает другие горизонты. Я, правда, искренне надеюсь на то, что и я тоже смог кое-что дать театру.

– За то время, что «Гроза» значится в нашем репертуаре, как вам кажется, спектакль не «устал»?

– Нет, он таковым не выглядит. Артисты, дай им Бог здоровья, спектакль берегут. Они стараются, чтобы все происходящее на сцене не осталось незамеченным зрителями. Я приезжаю в Магнитогорск не часто, но я вижу – а я в таких вещах не ошибаюсь – их внимание, любовь и заботу о спектакле. Понимаете, это их «Гроза», в которой все прошло через их тела – жизнь человеческого духа можно передать на сцене только через жизнь человеческого тела. Это очень правильное актерское ощущение. Потому что оно дает полет дерзости, фантазии, творчества. Артист чувствует себя художником, и это очень важно.

– Нынче вы заняты в МХТ (премьера спектакля «Васса Железнова» по пьесе Горького состоялась у Льва Эренбурга 23 марта в Москве. – Прим. авт.). Вы корректируете свои действия в зависимости от того, что вам, например, предстоит работать в пафосном и монументальном театре...

– Нет. пафосного и монументального театра у меня не будет никогда. Я «неправдашний» театр терпеть не могу. Но, конечно, когда ты работаешь в разных условиях, так или иначе ты обязан быть гибким к тем обстоятельствам, которые тебе предлагают.

> В Магнитогорске он творил как птица поет

– В Магнитогорске вам приходилось быть гибким?

– Почти нет. Я творил как птица поет: почти не ругался с артистами, не видел с их стороны капризов, не наблюдал халтуры в работе, ощущал только отдачу.

– Если бы «Грозу» вы ставили сейчас, насколько сильно она отличалась бы от имеющегося варианта? Или принципиально ничего не изменилось бы?

– Уверен, спектакль обязательно получился бы другим. Ведь что такое в нашем деле идея? Это мертвый скелет. А материализованная идея всего лишь некая художественная единица. С тех пор, как я поставил спектакль, я изменился, постарел. Не знаю, насколько я стал дурнее или умнее – не мне судить. И артисты тоже изменились. И время изменилось. И ощущение времени изменилось. И, естественно, сегодня получилась бы совсем другая история, которая, наверное, чем-то напоминала эту «Грозу».

– Какие ощущения вы испытывали, когда спектакль «Гроза» получил «Золотую маску»?

– Я поблагодарил руководство «Золотой маски», за то, что постановка удостоена премии тогда, когда я могу ее видеть, «слышать» и надеяться, что она будет меня радовать. Это, на самом деле, не так уж и мало, потому что большое количество режиссеров или не получает ее вовсе или получает тогда, когда она уже не радует. В нашей жизни это вообще часто встречающееся обстоятельство. Деньги появляются тогда, когда они уже не очень нужны. Девушки появляются тогда, когда они уже не очень нужны. Дети появляются тогда, когда они не то, чтобы не очень нужны, а просто на них уже нет времени, потому что срок определен. Твой срок.

– Можно ли рассчитывать на ваше дальнейшее сотрудничество с нашим театром?

– Мы сговорились и с директором Владимиром Досаевым и с артистами, что как только у меня появится возможность, я обязательно поработаю здесь снова. Поэтому сотрудничество будет продолжено, но когда именно – покажет время.

«Театр обойдется без любого из нас, включая Станиславского»

– «Жизнь со всеми выгодами смерти», прямо по Достоевскому. Таким, на мой взгляд, видят рецепт успешности спектакля многие режиссеры...

– Я думаю, что для режиссеров, как и для драматургов, по определению всегда притягательны крайности. Любая высокая драматургия – это не моя мысль, так говорил Товстоногов – всегда драматургия крайностей. Вспомните Гамлета, принца датского. Действие начинается с таких крайностей, что дальше, кажется, просто некуда. Срабатывает закон обострения предлагаемых обстоятельств. Если дядя и жена убили папу еще до открытия занавеса и папа ходит в виде призрака, что может быть более сильным эмоционально?

– Вы достаточно часто затрагиваете в спектаклях некоммерческие темы. Почему в ваших постановках они имеют успех?

– А что для вас «некоммерческие темы»? Любовь, одиночество, ревность... Человеческие страсти во все времена и у всех людей, безусловно, похожи. Но от этого они не становятся менее острыми. И переживания по поводу ревности-любви и всего такого при всей своей похожести и одинаковости – бесконечно индивидуальны, бесконечно остры для тех, кто их переживает. Знаете присказку, как 80-летний старик видит на скамейке целующуюся парочку и говорит: «80 лет прошло, а у них одно на уме». А что касается эмоциональной мотивации для работы... Если тебя что-то колышет, если у тебя лично есть свой ассоциативный ряд по поводу происходящего, тогда и будет мотивация. Однажды признался своему коллеге: «С возрастом у меня возникла такая штука...Я смотрю хороший фильм или спектакль, переживаю вместе с героем, но не возвышаюсь над ним, а просто остаюсь на этой волне грусти и тоски по поводу происходящего». А мой коллега в ответ: «Ты знаешь, старик, а мне все неинтересно. Чехова я уже поставил, Островского поставил, Шекспира поставил, Горького поставил». Я несказанно удивился такой трактовке. Что значит Горького поставил? Ты поставил что-то про себя на материале Горького или Чехова или как? Рассказал про этот случай другу, а он резюмировал, может, и глупым, но для этого случая самым подходящим анекдотом. Приходит бабка к врачу и говорит: «Доктор, ссать хочу и не могу». А он ей и отвечает: «Иди бабка, ты все уже выссала». Вот в чем творческая и профессиональная проблема на самом деле заключается. Мне счастье не в форточку влетело, оно выстрадано годами. Но, безусловно, я отдаю себе отчет в том, что и счастливый случай помог. В нашем деле от того, как сойдутся звезды, очень многое зависит. Многим моим коллегам и артистам кажется, что известность им априори положена. Ничего никому не положено. Надо просто сказать спасибо небу за то, что так вышло, и продолжать работать. Убежден, что профессией надо заниматься не тогда, когда ты декларируешь, что ты ее любишь, а тогда, когда ничем другим больше заниматься не можешь. Театр обойдется без любого из нас, включая Станиславского. А вот ты без него обойдешься? Если можешь – обходись. Это не я сказал, кто-то из великих (*смеется*).

– А вы пробовали?

– Пробовал. И каждый раз за это дорого платил. Я без своей работы не могу. Я бесконечно отравлен профессией. И, как глубокий наркоман, очень от нее зависим. Герман в свое время говорил, что для него профессия режиссера – это способ избавления от детских страхов. Сказано правильно, хорошо, хотя с моей точки зрения, несколько цветисто. Если говорить обо мне, то, когда я ставлю спектакль, у меня возникает ощущение, будто я объясняю окружающим греховность своей жизни. Для меня это так – необходимость исповедаться или проверить, что ты есть на белом свете... Вот высказался я в спектакле, сказал что-то очень интимное и потаенное про себя, и после этого мне становится легче жить. Я выпотрошенный, легкий, меня болтает из стороны в сторону, мне ничего не хочется какое-то время, потому что для себя я все сказал. А когда еще и зрители дают подтверждение того, что ты понят, это лишний раз убеждает в том, что в самых сокровенных и первородных вещах мы все очень похожи

Беседовала НАТАЛЬЯ РОМАНЮК
ФОТО > ИГОРЬ ПЯТИНИН

«ММ»-досье

ЛЕВ БОРИСОВИЧ ЭРЕНБУРГ, режиссер, художественный руководитель Небольшого драматического театра (Санкт-Петербург). Родился 10 ноября 1953-го в городе Сталинск (ныне – Новокузнецк, Кемеровская область). Окончил филологический факультет Томского государственного университета (1977); актерское отделение Новосибирского театрального училища (1980); с красным дипломом – ЛГИТМиК, курс Г. Товстоногова, режиссура драмы (1987). Стажировался и преподавал актерское мастерство на курсе у А. Кацмана (1987-1989). Сотрудничал с московской «Студией под руководством Евгения Арье» (в дальнейшем – театр «Гешер»); с Финским театром драмы (Петрозаводск), где выпустил актерско-режиссерский курс (1992). С 1994-го года преподавал в СПГАТИ, где в 1999-м году выпустил курс, на основе которого был создан Небольшой драматический театр. Работал актером Новосибирского ТЮЗа, Читинского театра драмы. Снимался в нескольких российских картинах (в том числе «Война» А.Балабанова). Проводит мастер-классы в Пражском институте театра (Чехия). Как режиссер сотрудничает с МХТ им. А. Чехова. Имеет медицинское образование (врач-стоматолог).

Лев Эренбург – дважды номинант высшей национальной театральной премии «Золотая маска», 2006 года – как режиссер спектакля «На дне» Небольшого драматического театра и 2007 года – как режиссер спектакля «Гроза» Магнитогорского драматического театра имени А. Пушкина.

> Я отравлен своей профессией и, как глубокий наркоман, очень от нее зависим. ЛЕВ ЭРЕНБУРГ